

Археологические Вести

№ 12

ДБ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2005

СТЕПНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ МОГИЛЬНИКА ЗАМАНБАБА

(к вопросу о происхождении и хронологии
заманбабинской культуры эпохи бронзы Средней Азии)

Ю. Г. КУТИМОВ¹

Заманбабинская культура бронзового века Средней Азии включает в себя лишь три археологических комплекса – могильник и два поселения, расположенные в низовьях р. Заравшан на территории Бухарской области Узбекистана. Могильник Заманбаба был открыт в 1950 г. и исследовался с перерывами до 1964 г. Махандаринским археологическим отрядом Института истории и археологии АН Узбекистана. В 1961 и 1964 гг. недалеко от могильника археологи обнаружили остатки сильно разветвленных поселений. Материалы раскопок позволили исследователям связать данные памятники в единую группу и выделить новую археологическую культуру (Гулямов и др. 1966).

Могильник Заманбаба – основной объект исследования заманбабинской культуры. Из двух поселенческих комплексов только один можно считать поселением, тогда как второй представляет собой кратковременную стоянку с разветвленным культурным слоем. Их информативность чрезвычайно низка, поэтому при изучении заманбабинской культуры в основном привлекаются материалы могильника.

Практически все исследователи, изучавшие археологические комплексы заманбабинской культуры, отмечали уникальное сочетание сельскохозяйственных признаков в погребальном обряде могильника Заманбаба. Значительная часть сопроводительного инвентаря могильника, в число которого входят каменные бусы и подвески, наперстки, круглые медные зеркала без ручек, лопаточки, терракотовая статуэтка, два фрагмента гончарных сосудов и пр., находят аналогию в сельскохозяйственных комплексах Южной Туркмении эпохи Намазга IV – Намазга VI и синхронных памятников смежных территорий Ирана и Афганистана. С другой стороны, в могильнике Заманбаба есть ряд признаков, указывающих на связь с погребальными традициями племен эпохи бронзы степной зоны Евразии, – присутствие в могилах красной краски, мела, древесного угля, яйцевидной и круглодонной керамики и пр. Одной из примечательных особенностей погребального обряда могильника Заманбаба является захоронение в могилах подобнокатакомбного типа, что характерно для местного среднеазиатского населения в эпоху ранней и средней бронзы.

Одни из первых исследователей, давших сравнительную характеристику материалам могильника За-

манбаба, Е. Е. Кузьмина и Б. Н. Латынцы указали на близкое их сходство с археологическими комплексами степных культур эпохи бронзы Евразии – афанасьевской, катакомбной, а также кельтеминнарской культуры эпохи неолита. При этом, оба исследователя отмечали сильное влияние оседло-земледельческих культур юга Средней Азии на формирование культуры Заманбаба, в частности, таких комплексов, как Намазга-депе (периоды IV и VI), южный холм Анау III, Шах-Тепе II и III, Тепе-Гиссар III В и III С, Аучин-депе, Кара-депе (период Намазга III) (Кузьмина 1958: 26–30; Латынцы 1958: 50–52).

В более поздней публикации Е. Е. Кузьмина рассуждает круг земледельческих аналогий комплексам заманбабинской культуры, отмечая близкое сходство некоторых типов сосудов могильника (в основном, плоскостонных) с керамикой поселения Халуз-депе (времени Намазга IV) и сопоставляя почти все представленные в могильнике Заманбаба типы каменных бус с бусами из IV слоя поселения Мундигак (Кузьмина 1968: 304, 305). В настоящее время Е. Е. Кузьмина считает, что в формировании заманбабинской культуры Средней Азии (так же, как и афанасьевской культуры Южной Сибири) участвовали смешанные ямно-катакомбные племена (Kuzmina 1998: 72; Кузьмина 1999: 170, 171).

Авторы сводной публикации (Гулямов и др. 1966: 141–162) при сравнительном анализе материалов могильника Заманбаба ограничились почти дословным повторением выводов Е. Е. Кузьминой, изложенных в статье 1958 года².

По мере открытия новых археологических памятников эпохи бронзы на территории Средней Азии, круг аналогий комплексам могильника Заманбаба постепенно расширялся и предлагались их новые трактовки, на основании которых исследователи пытались проследить происхождение заманбабинской культуры и её хронологические рамки.

Близкое сходство отдельных категорий инвентаря (медные лопаточки, круглые зеркала без ручек, кремневые наконечники стрел и др.) могильников Заманбаба и Ранний Тулхар, открытого во второй половине 50-х годов XX века в Южном Таджикистане, отмечал А. М. Мандельштам (Мандельштам 1968: 81, 83, 87). При этом исследователь не был склонен синхронизировать эти археологические комплексы,

¹ Россия. 191186. Санкт-Петербург: Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

² Могильник Заманбаба был открыт и раскопан Я. Г. Гулямовым, однако к публикации 1966 г. материалы были подготовлены А. А. Аскарковым на основе камеральных работ и исследований Е. Е. Кузьминой.

а указывал лишь на очень длительное, с III по I тыс. до н. э. использование данных категорий вещей на территории Средней Азии (Мандельштам 1968: 90, табл. 6).

В. И. Сариянди предложил считать очагом культурогенеза заманбабинцев территорию Северного Афганистана и датировал заманбабинскую культуру концом II – началом I тыс. до н. э. на основе отдельных находок, имевших близкое сходство с некоторыми категориями могильника Заманбаба (так называемые керамические «курильницы-кормушки» и крестообразные бусы). Данные предметы происходили из разграбленных могильников катакомбного типа, обнаруженных во второй половине 70-х годов XX века в Афганистане. Точная датировка могильников не установлена, однако, учитывая их расположение вблизи поселения конца II тыс. до н. э., В. И. Сариянди склонен синхронизировать могильники и поселения. Найденные на поверхности заманбабинского поселения обломки андроновской керамики исследователь также считает доказательством поздней датировки заманбабинской культуры (Сариянди 1979: 24–27).

После открытия памятников культуры Сапалли в 70-х годах XX столетия на территории южного Узбекистана А. А. Аскаров предпринял попытку вывести из её среды происхождение культуры Заманбаба (Аскаров 1977: 114, 115; Аскаров 1981: 108). Исследователь считает, что все основные элементы заманбабинской культуры (погребальный обряд, керамика, типы вещей) имеют абсолютное сходство с элементами сапаллинской культуры на позднем (молалинском) этапе её развития, тогда как каких-либо признаков влияния северных степных племен на сложение культуры Заманбаба не наблюдается совсем (Аскаров 1981: 107). В частности, все заманбабинские керамические формы, в том числе круглодонные и яйцевидные, имеют прототипы в керамике культуры Сапалли, хотя каким образом плоскодонная керамика эволюционирует в яйцевидно-круглодонную не объясняется (Аскаров 1981: 104–106). Среди наиболее близких аналогий двух археологических комплексов А. А. Аскаров особо выделяет круглые медные зеркала без ручек, медные лопаточки, а также кремневые наконечники стрел (Аскаров 1981: 106–107), не учитывая выводы А. М. Мандельштама о длительном бытовании данных типов вещей на территории Средней Азии, вследствие чего их привлечение в качестве объекта сравнительного анализа весьма сомнительно. Еще одним признаком культурных связей сапаллинцев и заманбабинцев исследователь считает сходство ориентировок погребенных в могильниках Заманбаба и Джаркутан на молалинском этапе его функционирования: «В Заманбабе ориентировка более 90% скелетов оказалась на запад или на восток (или северо-восток – юго-запад), что указывает на одинаковые ориентировки скелетов Заманбабы с погребениями поздних этапов культуры Сапалли» (Аскаров 1981: 107). Однако определить ориентировку умерших достоверно можно только в пяти (из 46) погребениях: на север – 1 раз, на восток – 2 раза, на северо-восток – 2 раза, а по расположению инвентаря в могиле ещё

в 10 погребениях: на север – 1 раз, на восток – 5 раз, на северо-восток – 1 раз, на северо-запад – 1 раз, на юго-восток – 1 раз, на юго-запад – 1 раз. Таким образом, в могильнике Заманбаба доминируют ориентировки погребенных на восток и северо-восток, что совсем не согласуется с выводами А. А. Аскарова.

Идею о сложении культуры Заманбаба пришлыми степными племенами, предложенную в 50-х годах Е. Е. Кузьминой и Б. Н. Латыниным, в 80-х годах XX века развивал В. А. Алёшкин. Исследователь пришел к выводу, что в формировании заманбабинцев приняли участие катакомбные племена эпохи бронзы степной зоны Евразии, которые, проникнув на территорию Средней Азии на рубеже III–II тыс. до н. э., подверглись сильному влиянию земледельческой культуры типа Саразм. Проникновение катакомбных племен из степной зоны Евразии явилось толчком для распространения катакомбного обряда погребения на территории Средней Азии (Алёшкин 1980; Алёшкин 1986; Алёшкин 1989).

В настоящее время существует несколько гипотез происхождения могильника Заманбаба, по-своему объясняющих вопросы культурной и хронологической атрибуции данного памятника. На сегодняшний день для заманбабинской культуры предложено несколько различных датировок: вторая половина III – начало II тыс. до н. э. (Массон 1959: 113); конец III – начало II тыс. до н. э. (Латынин 1958: 52; Кузьмина 1958: 33; Кузьмина 1968: 306; Алёшкин 1986: 99; Виноградов и др. 1986: 72); конец III – первая половина II тыс. до н. э. (Массон 1966: 208; Мандельштам 1972: 8); первая половина II тыс. до н. э. (Аскаров 1962: 10; Гулямов и др. 1966: 166); вторая четверть II тыс. до н. э. (Аскаров 1981: 109); середина II тыс. до н. э. (Хлопин 1983: 70); последняя четверть II тыс. до н. э. (Пьянкова 1989: 61); рубеж II – I тыс. до н. э. (Сариянди 1979: 24).

Существует шесть версий происхождения носителей заманбабинской культуры эпохи бронзы Средней Азии: потомки местных неолитических кельтменарцев (Массон 1966: 208); выходцы из среды древнеземледельческой культуры Сапалли Южного Узбекистана (Аскаров 1981: 109); древнеземледельческие племена, пришедшие в низовья Заравшана с территории Северного Афганистана (Сариянди 1979: 27); население, генетически связанное с катакомбной культурной общностью Евразии (Алёшкин 1986: 98); местное население, входившее в круг культур степного типа, подвергшееся сильному влиянию со стороны южных земледельческих культур (Кузьмина 1958: 33; Аскаров 1962: 10, 11; Гулямов и др. 1966: 170; Виноградов 1968: 151); степные племена, сочетавшие в облике своей культуры признаки трех культур – ямной, катакомбной и афганасъевской (Латынин 1958: 52). Первые четыре версии происхождения заманбабинцев определяют конкретное направление их генетических связей с какой-либо одной культурной группой населения Средней Азии или смежных территорий. Две последние версии указывают лишь на то, что в процессе культурогенеза заманбабинцев принимал участие степной субстрат.

Серьезные противоречия в вопросах происхождения и хронологии заманбабинской культуры обусловлены маловыразительностью её комплексов, при почти полном отсутствии эталонных признаков. Представленный в погребениях могильника инвентарь имеет либо широкие хронологические рамки существования (например, каменные бусы, круглые медные зеркала без ручек и дощечки в целом датируются с III по I тыс. до н. э.), либо характерное своеобразие, затрудняющее поиск точных аналогов.

Задачей нашего исследования является определение генетической связи населения, оставившего могильник Заманбаба, с кельтеминсарской культурой эпохи неолита, а также со степными культурами бронзового века Евразии, в первую очередь, Волго-Уральского междуречья. На основе сравнительного анализа погребального обряда могильника Заманбаба будут рассмотрены вопросы его культурной и хронологической атрибуции³.

Краткая характеристика погребальных комплексов могильника Заманбаба.

Вследствие разрушающего воздействия природных факторов погребения могильника Заманбаба дошли до нас в очень плохой сохранности, что существенно ограничивает возможности анализа данного материала.

На площади могильника Заманбаба обнаружено 46 захоронений, из них 12 – погребения катакомбного типа, а остальные 34 – ямы овальных форм. Вследствие конструктивного различия погребений могильника, в научной литературе высказывались соображения о разновременности ямных и катакомбных могил (Латынина 1958: 49, 50; Кузьмина 1958: 33; Кузьмина, 1968: 303).

По мнению авторов раскопок, все сооружения могильника Заманбаба представляли собой катакомбы (Гулямов и др. 1966: 128). На первый взгляд такое заключение справедливо. Материалы раскопок показывают единообразие обряда ямных и катакомбных захоронений могильника. Если структурно дифференцировать погребальный обряд могильника Заманбаба, то можно увидеть, что большинство обрядовых признаков ямных и катакомбных захоронений полностью совпадают: одинаковое направление длинной оси могильных ям по линии восток-запад или северо-восток – юго-запад; восточная, северо-восточная и северная ориентировка погребенных; присутствие в могилах однотипных категорий инвентаря; использование в погребальном обряде охры, мела и угля; и пр. Сравнение керамических изделий также свидетельствует о культурном единстве данного комплекса: в ямных и катакомбных могилах присутствуют совершенно одинаковые типы керамики. Это позво-

ляет считать ямные и катакомбные погребения могильника одновременными, оставленными одной культурной группой населения.

Однако все же нельзя быть полностью уверенным в том, что ямные погребения могильника Заманбаба представляют собой плохо сохранившиеся катакомбы. При раскопках погребений № 38, 39, 41 найдены «двойные могильные пятна, соединяющиеся друг с другом» (Гулямов и др. 1966: 126, 127). Учитывая этот факт, авторы раскопок делают вывод, что в большинстве ямных погребений катакомбы не сохранились: «Можно допустить, что все могилы были катакомбными, но одни из них были более глубокими, а другие – мелкими. Верхний свод неглубоких могил и входной дромос были разнесены ветрами, в результате чего могилы потеряли свою первоначальную форму – от катакомбы осталась только неглубокая овальная яма» (Гулямов и др. 1966: 128).

Данное заключение узбекских археологов явно противоречит результатам их собственных раскопок. В публикации отмечается, что глубина погребений в виде «двойного могильного пятна» составляет 30 см в погребении № 38, в погребении № 39 – 50 см, в погребении № 41 – 80 см от уровня дневной поверхности⁴. В то же время средняя глубина ямных могил составляла 30–45 см, а одно из ямных погребений № 26 достигало глубины 50 см. Однако в этих случаях «двойные могильные пятна» не наблюдались. Следовательно, некоторые или даже все ямные погребения могильника Заманбаба, возможно, были сооружены в виде простых ям с небольшим окруженным углами, что предполагает наличие в одном комплексе двух типов погребений и свидетельствует о осуществлении у заманбабинцев двух параллельных способов сооружения могил⁵.

Катакомбные захоронения могильника Заманбаба состоят из погребальной камеры и входной ямы – прямоугольного в плане дромоса с прямыми стенками (рис. 1). Погребальная камера в большинстве случаев вытянута длинной осью по линии северо-восток – юго-запад или восток-запад. Дромос чаще расположен к югу или юго-востоку от камеры. В двух погребениях № 22 и № 24 он был одноступенчатым, а в погребении № 12 зафиксированы две ступеньки. Заполнение дромосов составляла рыхлая земля. В погребении № 12 вход в погребальную камеру был заложен четырьмя рядами глиняных комьев. Ямные захоронения представляли собой грунтовые ямы округлой, либо овальной формы. Дно ямных погребений в некоторых случаях имело чашеобразный вид. Большинство погребений могильника – одиночные. В шести погребениях № 1, 4, 5, 6, 7, 36 обнаружены парные захоронения (мужчина и женщина). Три по-

³ В данной статье рассматриваются возможные связи заманбабинской культуры с археологическими культурами степной зоны Евразии. Связи заманбабинцев с древнеселенскими культурами Средней Азии требуют специального исследования, поэтому в работе используются отдельные «земледельческие» признаки, имеющие принципиальное значение для датирования могильника Заманбаба.

⁴ К сожалению, авторы раскопок при описании катакомбных погребений не указали различия уровней отметок между дном камеры и основанием дромоса. В одном случае, при описании погребения № 36 было упомянуто, что дно камеры на 25 см ниже уровня основания дромоса (Гулямов, Исломов, Аскарлов 1966: 122).

⁵ Е. Е. Кузьмина также высказала сомнения в катакомбной однородности всех погребений могильника Заманбаба, отметив, что дно катакомбных погребений «всегда плоское и ровное», тогда как «дно ямных могил чашеобразно углублено» (Кузьмина 1968: 303).

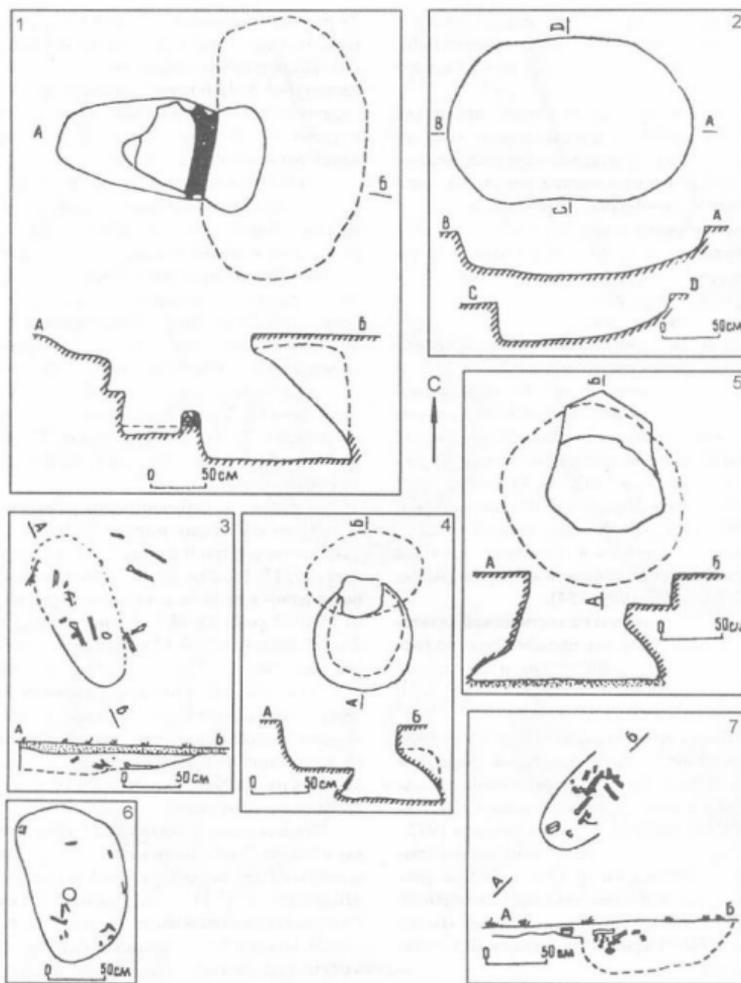

Рис. 1. Погребения могильника Заманбаба: 1 – № 12, 2 – № 15, 3 – № 43, 4 – № 24, 5 – № 22, 6 – № 8, 7 – № 44 (по Я. Г. Гулямову и др.).

Fig. 1. Burials of the cemetery of Zamanbaba: 1 – no. 12, 2 – no. 15, 3 – no. 43, 4 – no. 24, 5 – no. 22, 6 – no. 8, 7 – no. 44 (according to Ya. G. Gulyamov et al.).

гребения № 21, 35, 36 содержали коллективные захоронения (два взрослых и ребенок)⁶. Пол погребенных, вследствие сильной разрушенности скелетов, определялся только по погребальному инвентарю, антропологических исследований не проводилось. О положении скелетов в могилах достоверно можно судить по двум погребениям, где умершие находились *in situ*. В погребении № 1 лежали мужской и женский скелеты скорченно, на боку – мужчина на правом, женщины на левом – головой на восток. В погребении № 36

умерший лежал скорченно на левом боку, головой также на восток. В погребениях № 7, 12 и 27 на ориентировку погребенных на север и северо-восток указывало положение черепов и отдельных костей. Принцип размещения погребального инвентаря в могилах непонятен, вследствие плохой сохранности обрядовая структура потеряла свой первоначальный облик. Обломки сопроводительного инвентаря в большинстве случаев хаотично рассеяны по площади могил. Только в погребении № 36 он располагался у головы

⁶ Количество погребенных в могилах определялось по разрозненным костным останкам.

умершего⁷. В некоторых могилах присутствовали отдельные кости животных (астргалы и челюсть баяна), а также небольшое количество охры, угля, мела и сурьмы.

В состав инвентаря могил входят несколько десятков круглодонных и плоскодонных сосудов (рис. 2–3); *металлические изделия* – круглые медные зеркала без ручек, косметические лопаточки, лезвие ножа, крючок, серебряная трубочка (рис. 4: 1); *кремневые наконечники стрел листовидной формы* (рис. 4: 2), бусы и подвески разнообразных форм из различных пород камня (рис. 4: 3), а также обломки терракотовой статуэтки.

Сравнительный анализ.

1. Погребальные комплексы кельтеминарской культуры. Могильник Тумек-Кичиджик.

Материалы могильника Тумек-Кичиджик рассматриваются с целью верификации высказанного рядом исследователей предположения о возможных культурных связях кельтеминарцев с носителями культуры Заманбаба (Латынин 1958: 50; Кузьмина 1958: 33; Массон 1966: 208). После публикации материалов могильника Тумек-Кичиджик, идея об участии кельтеминарского населения в сложении культуры Заманбаба приобрела уже конкретные формы (Алэкшин 1986: 99; Алэкшин 1989: 154).

Погребальные комплексы неолитической кельтеминарской культуры известны, прежде всего, по раскопкам могильника Тумек-Кичиджик и отдельным часто плохо сохранившимся погребениям, обнаруженным на территории Южного Приаралья.

Могильник Тумек-Кичиджик находится на правом берегу нижнего течения Амуларья, в юго-западной части её древней Сарыкамышской дельты на территории Северного Туркменистана. Памятник исследовался в течение трех полевых сезонов 1972–1974 гг. Хорезмской экспедицией Института этнографии АН СССР (Виноградов и др. 1986: 7–78). Он располагался на холме естественного происхождения, в ходе раскопок которого среди разновременных погребений было обнаружено 26 захоронений кельтеминарской культуры.

По конструкции кельтеминарские сооружения можно разделить на два типа: 1) могила с прямыми или несколько наклоненными внутрь боковыми стенками; 2) могила с одним или двумя уступами (рис. 5: 1). Одно погребение определено исследователями как подбойное. Средние размеры могильных ям – 200 × 50 см, глубина колеблется в пределах от 20 до 150 см. Длинная ось большинства могил ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Все погребенные, вне зависимости от пола и возраста, лежали на спине, головой на северо-восток и только в одном случае скелет ориентирован головой на восток. В состав погребального инвентаря входили сильно фрагментированные обломки лепных круглодонных сосудов (рис. 5:

2), разные каменные изделия (ножевидные пластины, отщепы и пр.) (рис. 5: 3), а также украшения из раковин, кости и клыков животных (бусы, пронизки, подвески) (рис. 5: 4). В некоторых могилах были найдены отдельные кости рыб и млекопитающих. Почти во всех погребениях было отмечено интенсивное использование охры (Виноградов и др. 1986: 11–57).

По замечанию автора раскопок А. В. Виноградова, отдельные категории вещей инвентаря могильника Тумек-Кичиджик находят аналогию в материалах ряда стоянок кельтеминарской культуры (в частности, стоянки Толстова), однако бедность и невыразительность сопроводительного инвентаря могильника позволяют датировать данный комплекс в широких хронологических границах конца V – конца IV тысячелетия до н. э. (Виноградов и др. 1986: 69).

Для сравнительного анализа погребального обряда могильника Тумек-Кичиджик из 26 обнаруженных погребений были отобраны только 22, так как 4 погребения № 7, 8, 14, 14А в силу плохой сохранности не информативны.

Обращает на себя внимание разная конструкция могил: десять из них имели прямые или несколько наклонные внутрь боковые стенки (погр. № 2, 4, 6, верх, 11, 13, 15, 20А, 25, 27, 28), одиннадцать могил были одно- или двухступенчатые с широкой уступом от 15 до 35 см (погр. № 1, 3, 6, низ, 9, 10, 16, 17, 18, 19, 23, 26), погребение № 12 представляло собой подбойное захоронение. Подобная разница в конструкции могил вряд ли случайна. Корреляция основных признаков могильника Тумек-Кичиджик, таких как размер могильной ямы, ее конструкция, состав инвентаря и принцип его размещения в могиле, позволяет выявить их четкую взаимосвязь в общей системе погребальной обрядности.

Наиболее тесно связанными элементами обряда могильника Тумек-Кичиджик являются конструкция могил и состав инвентаря. Глубина ям с уступом колеблется от 48 до 155 см (в среднем – 89 см), глубина ям с прямыми стенками от 20 до 107 см (в среднем – 58 см). Большинство находок инвентаря обнаружено в могилах с уступом, при этом преобладание выражается как в количестве однотипных вещей, так и в разнообразии категорий инвентаря. Например, из всего числа костяных бус – 803 бусины обнаружены в могилах с уступом и 391 в могилах с прямыми стенками; из костей животных – 18 костей найдены в могилах с уступом и только 1 кость в могиле с прямыми стенками и т. д. Другими словами, погребения с уступом имеют более богатый и разнообразный инвентарь, нежели остальные типы погребений. Из этого вытекает, что уступ в таких погребениях имел практическое применение, выполняя функцию ступеньки для спуска, необходимой при захоронении в глубокой могиле, когда умерший сопровождался богатым инвентарём. В некоторых могилах с уступом найдено

⁷ Обзор расположения обломков инвентаря на дне погребений показывает, что в большинстве случаев обломки лежат в северо-восточной части могил. Если принять во внимание, что нахождение обломков инвентаря в погребениях отражает его первоначальное положение (около головы покойника), то это косвенным образом указывает на ориентировку погребенных (преобладающее направление – восток и северо-восток).

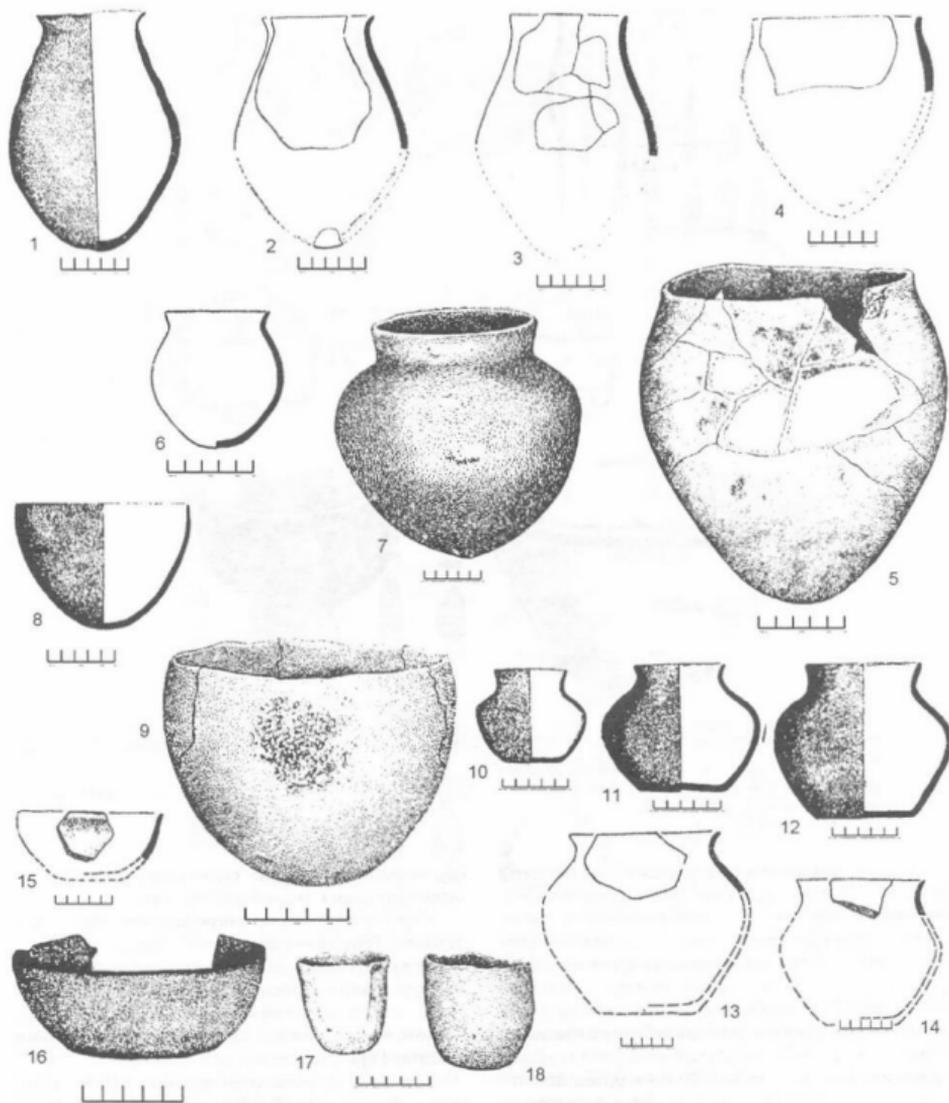

Рис. 2. Типы керамики могильника Заманбаба: 1, 2, 3 – № 1; 4, 5 – № 2; 6, 7 – № 3; 8, 9 – № 4; 10, 11, 12, 13, 14 – № 5, 15, 16 – № 6; 17, 18 – № 7 (по Я. Г. Гулямову и др.).

Fig. 2. Types of pottery from the cemetery of Zamanbaba: 1, 2, 3 – no. 1; 4, 5 – no. 2; 6, 7 – no. 3; 8, 9 – no. 4; 10, 11, 12, 13, 14 – no. 5; 15, 16 – no. 6; 17, 18 – no. 7 (according to Ya. G. Gulyamov et al.).

значительное количество (например, около 400 штук в погр. № 19 и около 500 штук в погр. № 26) разного типа бус из кости и раковин, связки которых располагались близ тазовых и бедренных костей покойника. Авторы раскопок считают, что бусы нашивались на одежду (Виноградов и др. 1986: 39, 50), однако воз-

можно, что связками бус покойника облачали уже после положения в могилу. В любом случае, нельзя исключать того, что характер инвентаря был известен заранее и, исходя из его состава и ритуальных действий над умершим, предусматривалась конструкция могильного сооружения.

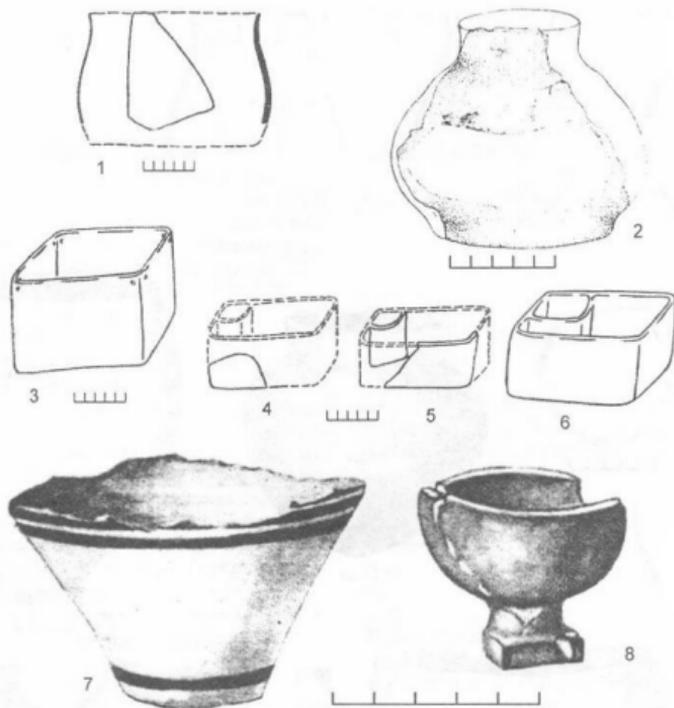

Рис. 3. Типы керамики могильника Заманбаба. 1 – № 9; 2 – № 10; 3 – № 11; 4, 5, 6 – № 12; 7, 8 – импортные сосуды (по Я. Г. Гулямову и др.).

Fig. 3. Types of pottery from the cemetery of Zamanbaba: 1 – no. 9; 2 – no. 10; 3 – no. 11; 4, 5, 6 – no. 12; 7, 8 – imported pottery (according to Ya. G. Gulyamov et al).

Данному заключению не противоречат материалы могил с прямыми стенками. Большая часть из них малоинвентарна, при этом часто инвентарь в погребениях находился в заполнении могилы, а не близ скелета. Только в трех ямах с прямыми стенками обнаружен сравнительно богатый набор инвентаря (погр. № 4, 6 верх, 13), их глубина составляет от 60 до 80 см. Обращают на себя внимание погребения с прямыми стенками № 11 и № 25. В первом случае глубина могильной ямы была только 20 см и инвентарь отсутствовал, во втором случае глубина погребения достигала 107 см и инвентарь состоял всего лишь из 10 предметов, найденных в заполнении могилы.

Особый интерес вызывает единственное подбойное погребение. Подбой, как и погребения с уступом, возможно, предназначался для легкого доступа к телу умершего после положения в могилу. Однако его инвентарь состоял всего из трех предметов, что сравнимо с малоинвентарными могилами с прямыми стенками, предполагая принадлежность погребения № 12 к их разновидности. Часть могил с прямыми стенками имела несколько наклонную внутрь плоскость одной из стен, создавая тем самым впечатление о подбойном характере могильной конструкции. Однако фун-

кциональное назначение таких сооружений равнозначно могилам с ровной линией стен.

Структурный анализ погребального обряда могильника Тумек-Кичиджик показывает, как в рамках одной культурной традиции могли видоизменяться конструктивные особенности могил в зависимости от ритуальных действий над умершим, которые, в основном, выражались в характере использования инвентаря при совершении захоронения.

Отличия в погребальном обряде носителей кельтеминарской и заманбабинской культур очевидны. Конструкция погребального сооружения и положение умершего в могиле у кельтеминарцев и заманбабинцев не имеют общих черт. Схожие признаки – северо-восточная ориентировка умерших и использование охры присущи большинству культур эпох энеолита и ранней бронзы степной зоны Евразии и их нельзя рассматривать как самостоятельные признаки вне общего контекста погребального обряда.

Отсутствуют близкие связи и в составе инвентаря – керамике и каменных изделиях. Наиболее массовый материал в заманбабинских погребениях – каменные наконечники стрел листовидной формы. Аналогичные изделия были широко распространены на земледель-

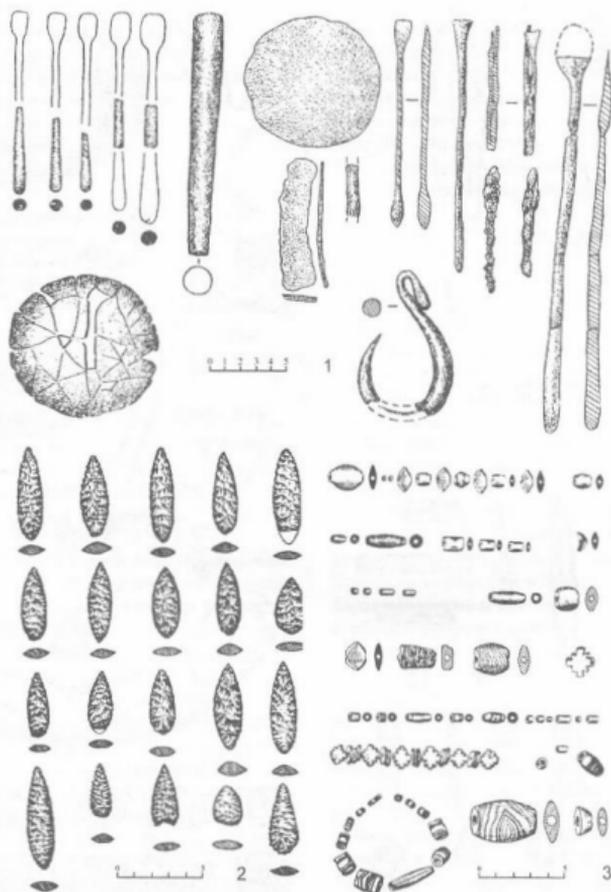

Рис. 4. Погребальный инвентарь могильника Заманбаба (по Я. Г. Гулямову и др.).

Fig. 4. Grave goods from the cemetery of Zamanbaba (according to Ya. G. Gulyamov et al).

ческих памятниках эпохи бронзы юга Средней Азии и Ирана. В кельтеминарских комплексах они встречаются очень редко, не типичны для кельтеминарской неолитической культуры и хронологически могут относиться уже к эпохе бронзы (Виноградов 1968: 43; Виноградов 1981: 99, 100). В то же время характерные для всего периода существования культуры каменные наконечники стрел так называемого «кельтеминарского типа» – пластинчатые, асимметричной формы, с боковой выемкой – не известны в заманбабинской культуре, хотя территория их распространения охватывала большую часть Средней Азии и Волго-Уральского междуречья (Виноградов 1979: 4, 5, рис. 1).

2. Погребальные комплексы степных культур эпохи бронзы.

В эпоху ранней бронзы основную часть степной зоны Евразии от Днепра до Урала занимали племена

ямной культурной общности, в рамках которой в настоящее время выделяется более десяти локальных вариантов. В процессе широкомасштабных миграций отдельные группы ямного населения проникали в весьма отдаленные районы: двигаясь в западном направлении, ямники достигли территории современной Венгрии; продвижение ямных племен на восток от основной территории обитания привело к возникновению афанасьевской культуры в Южной Сибири.

В географическом плане ближайшей к Средней Азии территорией расселения ямных племен в эпоху бронзы являлся регион волго-уральского междуречья. В его границах в настоящее время выделяются три локальных варианта ямной культуры – нижневолжский, средневолжский и приуральский, демонстрирующие некоторое своеобразие культурных признаков. Однако отличия в обряде и облике всех трех вариан-

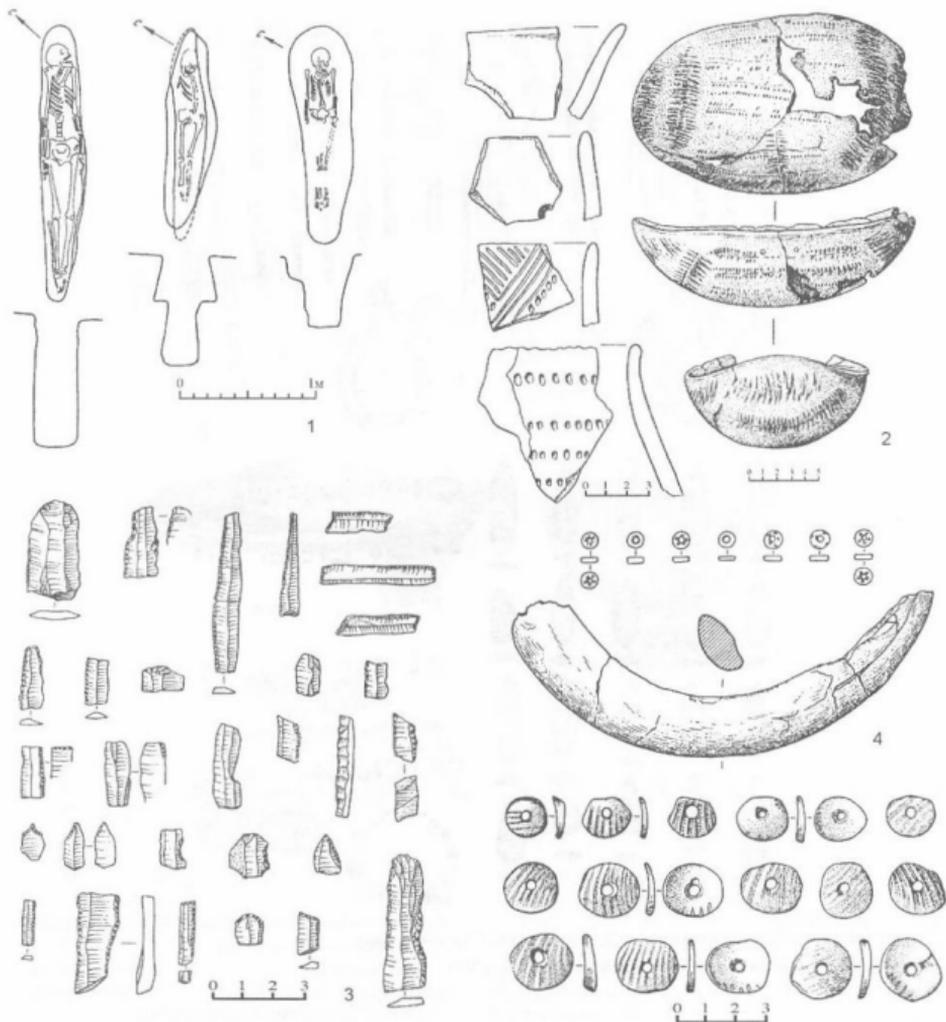

Рис. 5. Погребальные комплексы могильника Тумек-Кичиджик (по А. В. Виноградову и др.).

Fig. 5. Burial complexes of the Tumeck-Kichidjik burial ground (according to A. V. Vinogradov et al.).

тов культуры столь незначительны, что позволяют объединять их в «волго-уральский вариант древнеямной культурно-исторической общности» (Мерперт 1974).

Погребальные комплексы волжско-уральского варианта ямной культуры характеризуются подкурганными захоронениями в могилах прямоугольной или овальной в плане формы. При сооружении могил применялись деревянные конструкции (столбы, настилы). Стены и полы ям укрывались растительными циновками и подстилками. Умершие лежат в могилах на спине с завалом на бок или скорченно, на правом

боку. В большинстве случаев преобладает северная, восточная или же северо-восточная ориентировка умерших. При захоронении интенсивно использовалась подсыпка из охры, угля и мела (Моргунова, Кравцов 1991; Турецкий 1992; Моргунова, Кравцов 1994; Моргунова 2002).

В эпоху средней бронзы ямная культурная общность постепенно сменяется катакомбной. Также как и в ямной культуре, в рамках катакомбной культурной общности выделяется несколько локальных вариантов. Первоначальной территорией формирования катакомбной культурной традиции, по всей видимос-

ти, являясь Нижнее Подонье. В дальнейшем круг культур с катакомбным обрядом погребения расширяется от Дуная до Волги, включая Северо-Западное Причерноморье, степное Поднепровье, Крым, Северо-Восточное Приазовье, Подонье, Прикубанье и Калмыкию. Всю степную зону Волго-Уральского междуречья в это время занимают племена полтавко-киевской культурной общности.

На развитых этапах существования катакомбной культуры погребальная площадка в большинстве случаев имела радиальную планировку, могилы располагались под курганом по окружности, с соблюдением определенного интервала, вследствие чего ориентировка умершего зависела от расположения сооружения в кургане (Братченко 1976: 16-19; Княшко 1999: 16; Княшко 2002: 67, 68). На ранних этапах катакомбной культуры планиграфическое размещение погребений в кургане и их ориентировка были не столь устойчивы (Фисенко 1970: 61; Погорелов 1989: 118), однако основные правила сочетания таких элементов обряда, как направление могильного сооружения, поза и ориентировка умерших в системе курганного захоронения в большинстве случаев всё же соблюдались (Княшко 1999: 16, 17).

Одним из главных признаков, отличающим обряд могильника Заманбаба от погребальной практики ямной и катакомбной культур, является полное несоответствие планировочных систем захоронений. В могильнике Заманбаба погребения разбросаны по площади без какой-либо системы, при этом ориентировка погребений достаточно устойчивая: на восток, либо северо-восток – признак, характерный для погребений ямных племен волго-уральского региона (Фисенко 1970: 61; Моргунова, Кравцов 1991: 44). Хаотичное расположение погребений могильника Заманбаба можно рассматривать как признак отсутствия наземных сооружений – курганов, что также отличает комплексы могильника Заманбаба от погребений степных культур, где курган являлся обязательным элементом погребального обряда⁸.

По стратиграфическим наблюдениям в ямно-катакомбных курганных комплексах степной зоны Юго-Восточной Европы была составлена хронологическая цепочка развития типов погребений: а) обычная яма; б) яма с захлещиками; в) подбой; г) Т-образная катакомба; д) Н-образная катакомба (Братченко 1976: 20; Княшко 1999: 17–37; Стёганцева 1999: 101, 102; Княшко 2002: 71). Первый тип – обычная яма является наиболее распространенной формой погребального сооружения ямной культуры; второй тип – яма с захлещиками появляется на поздних этапах развития ямной общности и представляет собой уже синкретическую форму могильного сооружения; подбойное захоронение появляется впервые в ямной культуре и продолжает существовать позднее; Т-образная и Н-образная катакомбы отражают появление уже не-

посредственно катакомбного обряда погребения, при этом наиболее ранней является Т-образная катакомба (Княшко 1999: 37). Точное определение конструкции катакомбных погребений могильника Заманбаба затруднительно, однако, судя по опубликованным иллюстрациям (Гулямов и др. 1966: табл. IV), погребение № 12 при желании можно характеризовать как Т-образную катакомбу, но погребения № 22 и № 24 более напоминают подбой с округлой камерой, нежели катакомбу (рис. 1: 1, 4, 5).

Противопоставление мужского и женского трупоположения в заманбабинских могилах – мужчина лежит на правом боку, а женщина на левом – очень редко встречается в степных культурах эпохи бронзы Евразии, в которых, в основном, отмечаются односторонние захоронения (на правом, либо левом боку), в том числе и в коллективных погребениях (Мельник 1991: 55–68). Этот признак более характерен для земледельческих культур эпохи бронзы юга Средней Азии и появление его в могильнике Заманбаба следует рассматривать как культурное влияние со стороны последних.

В числе немногочисленных костей животных, найденных в погребениях могильника Заманбаба, имеются челюсть барана и несколько астрагалов. Традиция положения в могилу отдельной челюсти барана (или овцы) довольно часто встречается в погребальном обряде ямной культуры (Моргунова, Кравцов 1991: 44).

Керамический комплекс могильника Заманбаба специально рассматривался в двух работах Е. Е. Кузьминой (Кузьмина 1958: 25–28; Кузьмина 1968: 304), в сводной монографии авторов раскопок (Гулямов и др. 1966: 141–150) и в более поздней статье А. А. Аскарова (Аскаров 1981: 105, 106). Статистические данные о керамике могильника, используемые в данной работе, взяты из указанных публикаций. С учетом того, что ямные и катакомбные погребения Заманбабы относятся к одной обрядовой группе, при сравнительном анализе будет рассматриваться весь комплекс керамики могильника.

Керамический комплекс могильника насчитывает 44 сосуда, из которых 42 составляют основной, так сказать, заманбабинский тип керамики, и 2 фрагмента сосудов земледельческого происхождения. Большая часть сосудов целиком не сохранилась. Вся керамика изготовлена способом ручной лепки и только два сосуда сделаны на ручном круге⁹.

Большинство сосудов имеют равномерный обжиг, в изломе черепки розового или желтого цвета, поверхность зеленоватого или желтоватого оттенка. Часть яйцевидных и круглодонных сосудов характеризуется более грубой фактурой и неравномерным обжигом. На внешней и внутренней поверхностях некоторых сосудов видны следы горизонтального заглаживания в виде «гребенки».

⁸ В данном случае следует учитывать полную развешенность верхних слоев могильника.

⁹ Предположение о гончарном изготовлении некоторых сосудов основного комплекса керамики могильника Заманбаба было сделано, по словам Е. Е. Кузьминой «лишь на основании визуального анализа», и требует лабораторного подтверждения (Кузьмина 1968: 303).

В основном комплексе керамики могильника Заманбаба можно выделить три группы посуды: 1) кухонную (для приготовления пищи); 2) столовую (для приема пищи или её хранения); 3) культового назначения, куда входят прямоугольные курильницы или светильники, представляющие собой ёмкость для возжигания огня в ритуальных или практических целях. Четвертую группу составляют 2 фрагмента гончарных сосудов земледельческого типа. Первый фрагмент представляет нижней половиной биконического сосуда, изготовленного из хорошо промытого, без примесей теста белого цвета. На наружной его поверхности тёмно-коричневой краской нанесены три горизонтальные полосы под линией разлома и одна — у дна. На дощечке присутствует знак V (рис. 3: 7). Второй фрагмент — нижняя часть сероглиняного, лощеного до блеска сосуда с поддоном (рис. 3: 8). Отдельно от посуды бытового назначения рассматривается группа плоскостенных прямоугольных сосудов с полукруглым или квадратным отсеком в одном из углов. Е. Е. Кузьмина и Б. Н. Латынин относят их к курильницам (Кузьмина 1958: 28; Латынин 1958: 50), а авторы раскопок называют «кормушками» (Гулямов и др. 1966: 122, 124). В керамике всех групп выделено 11 типов сосудов¹⁰. Вследствие того, что она не орнаментирована, для сравнительного анализа будет использоваться в основном форма сосудов¹¹.

Группа 1. Яйцевидная и круглодонная посуда бытового использования.

К этой группе керамики относятся четыре типа, составляющие категорию кухонной посуды для приготовления пищи, характеризующейся наличием нагара на стенках сосудов.

Тип 1. Яйцевидные сосуды с вытянутой шейкой, небольшой горловиной и отогнутым венчиком — 3 экз. (рис. 2: 1, 2, 3). Два сосуда найдены в катакомбных могилах, один — в ямной.

а) не учтен;

б) оба этапа кельтеминарской культуры (Гулямов и др. 1966: 144).

Тип 2. Яйцевидные сосуды с невысокой шейкой, широкой горловиной и немного отогнутым наружу венчиком — 3 экз. (рис. 2: 4, 5), край которого округлый или горизонтально срезан. Один сосуд найден в катакомбной могиле, два — в ямных погребениях.

а) 4, 3 и 2 слой пещеры Джебел; второй этап кельтеминарской культуры; ямная культура; полтавкинская культура; афанасьевская культура (Кузьмина 1958: 25);

б) 4, 3 и 2 слой пещеры Джебел; поздний этап кельтеминарской культуры; ямная культура; афанасьевская культура (Гулямов и др. 1966: 144).

Тип 3. Круглодонные сосуды с небольшой шейкой, отогнутым венчиком и шаровидным туловом —

4 экз. (рис. 2: 6, 7). Три сосуда найдены в катакомбных могилах, один — в ямной.

а) культуры бронзового века Юго-Восточной Европы; катакомбная культура (Кузьмина 1958: 26);

б) культуры бронзового века Юго-Восточной Европы; поздний этап кельтеминарской культуры; северный холм Анау (Гулямов и др. 1966: 145).

Тип 4. Круглодонные полусферические сосуды с прямым горлом — 2 экз. (рис. 2: 8, 9). Один сосуд найден в катакомбной могиле, второй — в ямной.

а) 4, 3 и 2 слой пещеры Джебел; второй этап кельтеминарской культуры; ямная культура; полтавкинская культура; афанасьевская культура (Кузьмина 1958: 25);

б) поселение Намазга-дене; поселение Кара-дене; поселение Шах-тепе; поздний этап кельтеминарской культуры (Гулямов и др. 1966: 144).

Яйцевидная и круглодонная форма сосудов была широко распространена в степной зоне в эпоху неолита и раннего бронзового века. Керамика такого типа очень часто встречается в погребениях ямно-катакомбного времени, обряд которых сочетает в себе ямные и катакомбные традиции захоронения (Погорелов 1989: рис. 4: 5; рис. 7: 1; Кияшко 1999: 65-67). Это связано с керамической традицией ямной культуры, в которой яйцевидная и круглодонная посуда занимает основное место. На развитых и, особенно, на поздних этапах существования катакомбной общности, данные формы сосудов почти не встречаются.

В керамике ямной культуры обнаруживается практически полное сходство трём, из четырех представленных, типам посуды могильника Заманбаба — это сосуды 2 типа (рис. 6: 1), 3 типа (рис. 6: 2), и 4 типа (рис. 6: 3). Следует отметить, что близкое сходство сосудов данных типов с керамикой ямной культуры прослеживается не только по формам, но и по наличию следов заглаживания в виде «требенки» внешней и внутренней их сторон. Отсутствие орнаментации на заманбабинской керамике также сближает её с ямной, где процент неорнаментированной посуды был достаточно высок (Турецкий 1988: 82). Сосуды 1 типа из могильника Заманбаба не имеют очень близких аналогов ни в ямной керамике, ни, тем более, в керамике катакомбной культуры.

Составляющие группы кухонной посуды круглодонные и яйцевидные сосуды могильника Заманбаба имели следы нагара на внешней поверхности стенок. На плоскостенной посуде видимых следов нагара не обнаружено, что неслучайно. Приготовление пищи в яйцевидной посуде производилось на специально устроенных очагах, вырытых в земле, чтобы сосуд располагался в устойчивом положении. Следовательно, форма сосуда обуславливает тип очага. На поселении Заманбаба обнаружен один из таких очагов,

¹⁰ В работе Е. Е. Кузьминой (Кузьмина 1958: 25) учитываются всего шесть типов керамики, что связано с неполной изученностью памятника на тот момент времени. В монографии авторов раскопок выделены уже двенадцать типов керамики плюс две неопределённые формы (всего 42 сосуда) (Гулямов, Исламов, Аскаров 1966: 143). Однако некоторые сосуды керамического комплекса столь сильно фрагментированы, что нет никакой возможности достоверно определить их форму, то есть в данном случае выделить их в отдельный тип или отнести к конкретному выделенному типу. Поэтому в работе учитываются одиннадцать типов сосудов основного комплекса керамики могильника Заманбаба (всего 37 сосудов).

¹¹ Литерами а) и б) маркируются аналогии типам керамики, указанным в работе Е. Е. Кузьминой 1958 года (а) и своей монографии авторов раскопок 1966 года (б).

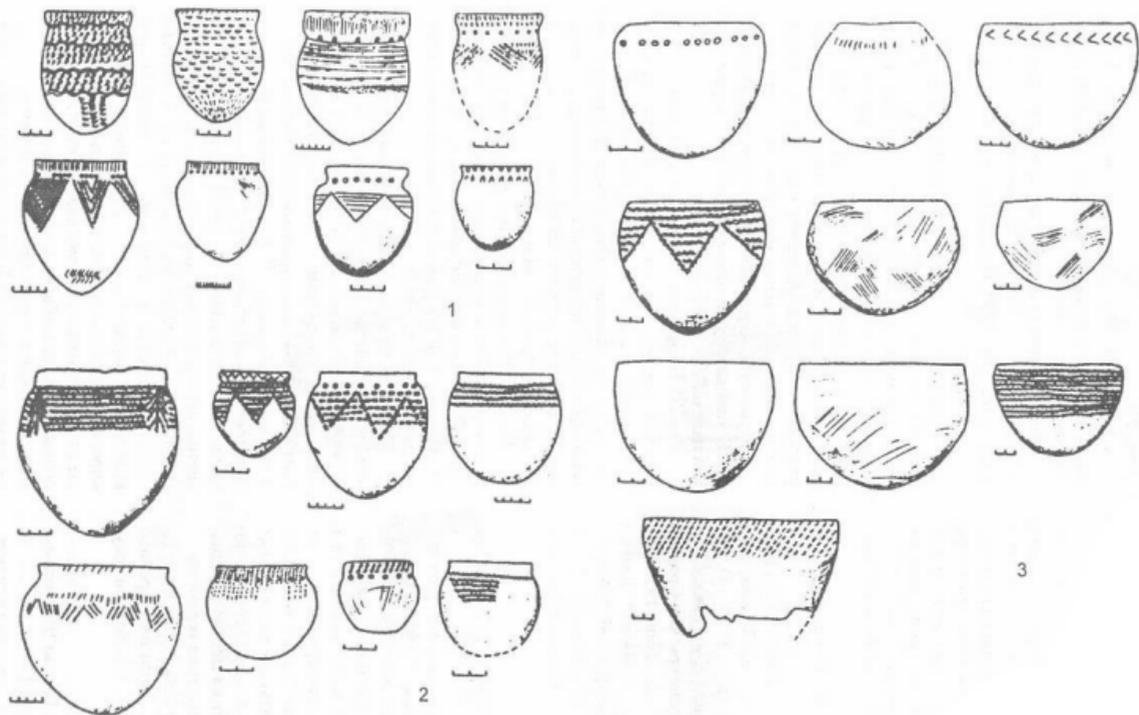

Рис. 6. Основные типы керамики ямной культуры Волго-Уральского междуречья (по М. А. Турецкому).

Fig. 6. The major types of pottery of the Yamnaya culture from the Volga-Ural region (according to M. A. Turetskij).

диаметром 52 см и глубиной 22 см, со стенками, обмазанными изнутри глиной (Гулямов и др. 1966: 139). Подобный тип костровых очагов имеет весьма архаичное (неолитическое) происхождение. Они не известны на поселениях Средней Азии эпохи бронзы. Аналогии им представлены на стоянках степных культур, в первую очередь ямной и афанасьевской культуры Южной Сибири (Комплекс археологических памятников ... : 25, 26, рис. 15: 1, 2). В степной зоне использование подобных очагов заканчивается вместе с исчезновением круглодонной керамики, угасанием ямных и формированием катакомбных традиций. Таким образом, посуда яйцевидной и круглодонной формы могильника Заманбаба позволяет синхронизировать данный памятник с ямной культурной традицией, при этом верхняя дата могильника, по всей видимости, не должна превышать границ конца ямного — начала катакомбного времени.

Группа II. Плоскодонная посуда бытового использования.

В этой группе выделено пять типов керамики, отнесенной к столовой посуде.

Тип 5. Плоскодонные горшки с небольшой шейкой, отогнутым венчиком и раздутыми боками, один из них сделан на круге — 5 экз. (рис. 2: 10–14). Все пять сосудов найдены в катакомбных могилах.

а) древнеземледельческие культуры юга Средней Азии (типа Намазга IV, Анау III) (Кузьмина 1958: 26);

б) катакомбная культура; поздний слой Намазга IV; чистая культура (Гулямов и др. 1966: 146).

Тип 6. Плоскодонные сосуды-зашки — 2 экз. (рис. 2: 15, 16). Один сосуд найден в катакомбной могиле, второй — в ямной.

а) не учтен;

б) посуда времени Намазга VI (Гулямов и др. 1966: 145).

Сосуды данных типов имеют весьма широкий круг аналогий в различных археологических культурах и степной зоны, и Средней Азии, поэтому их нельзя использовать как культурный признак и рассматривать в качестве хронологического индикатора, особенно при полном отсутствии орнамента. Следует все же отметить, что сосуды 5 типа в могильнике Заманбаба найдены пока только в катакомбных потребниках. Изготовление одного из сосудов с помощью ручного круга указывает на местное среднеазиатское происхождение данного типа керамики.

Тип 7. Плоскодонные узкие небольшие цилиндрические сосуды (стаканы) с немного расширенной верхней частью — 3 экз. (рис. 2: 17, 18). Все три сосуда найдены в ямных могилах.

а) не учтен;

б) поселение Шах-тепе IIА; Гиссар IIIС; южный холм Анау III (Гулямов и др. 1966: 147).

В качестве степной аналогии данному типу можно указать сосуд из кургана № 13 группы Эжи-Таш ямной культуры (Башкирия) (Мерперт 1974: 97, рис. 18: 2). В керамике катакомбной общности подобные сосуды-«стаканы» не встречаются.

Тип 8. Плоскодонные цилиндрические сосуды со слабо изогнутым профилем стенок, слегка расширя-

ющиеся в верхней части. Два сосуда летние, со сквозными отверстиями под венчиком. Один сосуд сделан на ручном круге, без отверстий — 2 экз. (рис. 3: 1). Первый сосуд найден в ямной могиле, второй — в катакомбной.

а) XI ярус Намазга-депе; керамика Анау III; комплекс Шах-тепе II и III; Гиссар IIIВ и IIIС (Кузьмина 1958: 27);

б) XI ярус Намазга-депе; керамика Анау III; комплекс Шах-тепе IIА; Гиссар IIIВ и IIIС; Тахирбай 3 (Гулямов и др. 1966: 143).

Тип 9. Плоскодонный сосуд с прямым узким горлом, сильно раздутым туловом и выделенной линией дна — 1 экз. (рис. 3: 2). Найден в ямной могиле.

а) не учтен;

б) южный холм Анау; комплекс Гиссар IIIА (Гулямов и др. 1966: 148).

В керамике степных культур эпохи бронзы аналогичные типы сосудов неизвестны. Безусловно, что эти керамические формы местного происхождения и аналогии им следует искать в керамике земледельческих культур Средней Азии. На это указывает, в частности, гончарное изготовление одного из сосудов.

Группа III. Керамика культового назначения.

К этой категории относятся два типа керамических изделий.

Тип 10. Плоскодонный, почти квадратный сосуд со слегка округленными углами. В верхней части углов расположены по два небольших круглых отверстия для подвешивания. Дно сосуда несколько шире горловой части. Внутренние стенки содержат следы нагара, внешняя сторона без нагара — 1 экз. (рис. 3: 3). Найден в катакомбной могиле.

Тип 11. Плоскодонные прямоугольные сосуды с полукруглым или квадратным отсеком в одном из углов. Верхняя часть сосудов несколько шире дна — 11 экз. (рис. 3: 4, 5, 6). Пять сосудов найдены в катакомбных могилах, шесть — в ямных.

Данные типы керамических изделий представляют наибольший интерес. Е. Е. Кузьмина, Б. Н. Латынин и авторы раскопок не находят им прямых аналогий, сопоставляя эти изделия с широко распространенными в степной зоне курильницами афанасьевской и катакомбной культур. Е. Е. Кузьмина не разделяет функциональное назначение рассматриваемых типов, предполагая, что данные сосуды представляют собой светильники или курильницы с отделениями для благовоний. Присутствие их в могильнике Заманбаба свидетельствует о существовании у заманбабинцев культа огня (Кузьмина 1958: 28). Авторы раскопок определяют сосуды 10 типа как курильницы, а сосуда 11 типа называют «кормушками для птиц», предположив, что заманбабинцы представляли душу покойника в облике птицы, периодически прилетающей на могилу отведать пищи. Этим объясняется присутствие данных сосудов в потребниках могильника Заманбаба (Гулямов и др. 1966: 148, 142; Аскаров 1981: 105). В степной зоне прямых аналогий подобным формам нет, однако в работах исследователей ясно выражено их функциональное отождествление с курильницами катакомбной общности.

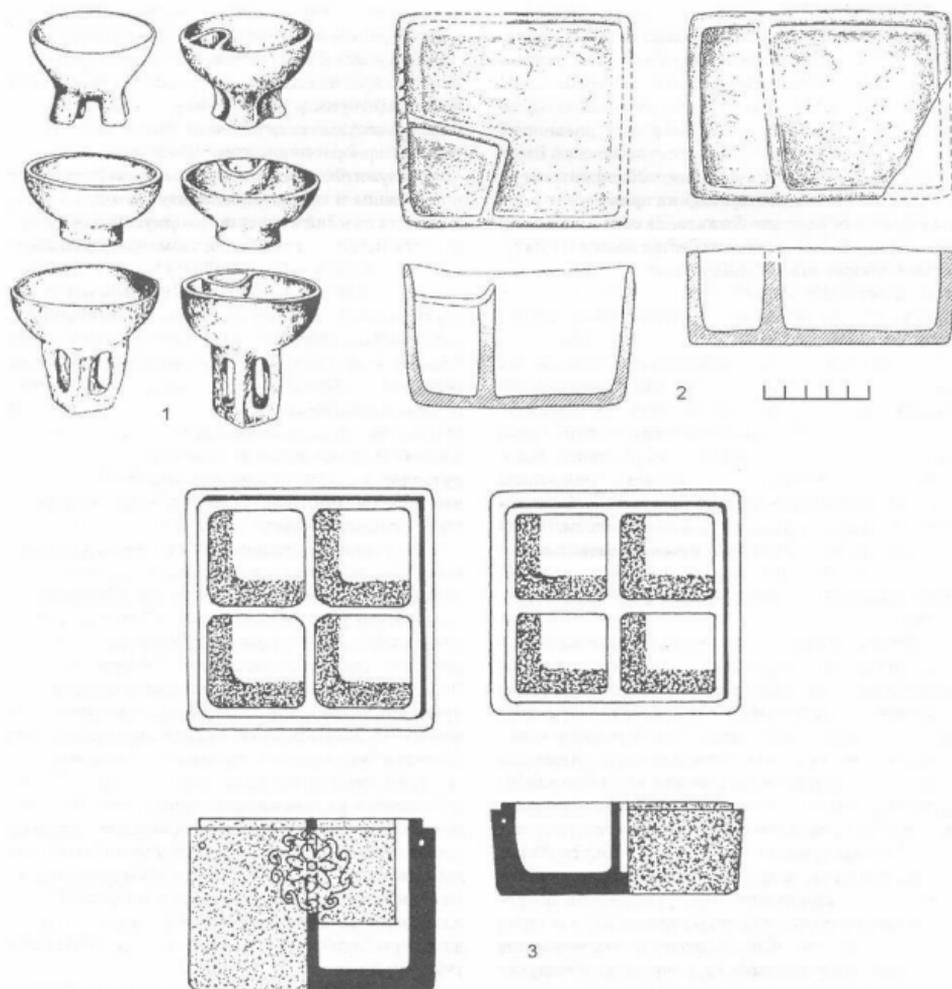

Рис. 7. Предполагаемые аналоги сосудам 11 типа могильника Заманбаба. 1 – курильницы катакомбной культуры (по В. Г. Егорову), 2 – «кормушки» из Северного Афганистана (по В. И. Сарияниди), 3 – «шкатулки» из Восточного Ирана (по А. Хакеми).

Fig. 7. Supposed parallels to vessels of type 11 from the cemetery of Zamanbaba. 1 – censers of the Catacomb culture type (according to V. G. Egorov), 2 – «mangers» from northern Afghanistan (according to V. I. Sarianidy), 3 – «caskets» from Eastern Iran (according to A. Hakemi).

Курильницы катакомбной культуры на протяжении многих лет привлекают пристальное внимание археологов (Попова 1957; Иерусалимская 1957; Клейн 1962; Клейн 1968; Егоров 1970). Наиболее аргументировано их происхождение доказывает Л. С. Клейн, привлекая большое количество материалов, главным образом с территории Подунавья и Балкан. Сложная цепочка типологического развития сосудов с перегородкой, сосудов на ножках, алтарей и пр. заканчивается катакомбными курильницами (Клейн 1968).

В настоящее время насчитывается более десятка их различных видов, однако данный тип керамических изделий имеет однообразную форму – полусферическая чаша на подставке. Различия заключаются только в частных деталях – форма подставки (ножка или поддон), наличие или отсутствие отделения и пр. (рис. 7: 1).

Проблема происхождения катакомбных курильниц выходит за рамки данной работы. Важно, однако, обратить внимание на специфику их функциональ-

ного применения в культурной среде катакомбного населения. Во-первых, курильница в катакомбных культурах – неперемнная принадлежность погребального обряда, присутствие которой в могиле обязательно. На поселенческих комплексах курильницы практически не встречаются¹². Во-вторых, курильница – ритуальный предмет, связанный с культом огня. Внутренняя поверхность курильниц содержит следы нагара, что свидетельствует об их применении в погребальном обряде для возжигания огня. Очень часто в катакомбных погребениях встречаются так называемые «жаровни» – обломки керамических сосудов со следами горения на внутренних стенках, вероятно, функционально заменявшие собой курильницы. Следовательно, погребальный обряд катакомбного населения степной зоны включал в себя обязательное присутствие в могиле керамической ёмкости, предназначенной для ритуального действия, выраженного либо в возжигании огня (культ огня), либо в сжигании неизвестных нам веществ (окуривания). Взаимозаменяемость курильниц и жаровен в катакомбных погребениях подтверждает предположение об использовании их для ритуальных действий с огнём. В-третьих, курильница появляется только на развитых этапах катакомбных культур и полностью отсутствует в самой ранней из них – донецкой (Клейн 1962: 132; Клейн 1968: 14).

Исходя из этого, можно выявить различия в использовании рассматриваемых типов сосудов в погребальном обряде могильника Заманбаба. «Курильницы» могильника Заманбаба (тип 11) не имеют следов нагара на внутренних стенках, свидетельствующих о том, что их использовали в ритуалах, связанных с огнём. Более того, в погребении № 24 Заманбабы такая «курильница» обнаружена вместе с курильницей (тип 10), имевшей все признаки возжигания огня¹³. Погребальная принадлежность заманбабинской «курильницы» не столь ярко выражена, так как, помимо двенадцати «курильниц», обнаруженных в погребениях могильника, семь «курильниц» было найдено на поселении Заманбаба. Следует учитывать и тот факт, что заманбабинские «курильницы» обнаружены в одном комплексе с яйцевидной и крулодонной керамикой, время бытования которой приходится на раннее, а не классическое время развития катакомбной культурной общности.

Таким образом, у нас нет убедительных данных для определения керамических изделий 11 типа могильника Заманбаба в качестве возможной производной формы курильниц катакомбной культурной общности. Типологически их сближает только одинаковое устройство – выделение с помощью перегородки маленького отделения во внутреннем пространстве сосуда. У курильниц катакомбной общности форма этого отделения всегда круглая, обустроенная сферической формой чаши. У заман-

бабинских прямоугольных сосудов полукруглое или квадратной формы отделение прикреплялось к одному из углов. В катакомбных курильницах эти отделения предназначены для возжигания каких-то веществ (например, благовоний), тогда как заманбабинские сосуды совершенно не имеют следов горения. Авторы раскопок, считая, что данные сосуды могли служить ёмкостью для размещения ритуальной пищи (воды и пр.) и характеризуя эти типы керамических изделий в качестве «кормушек для души – птицы», исходят, главным образом, из современных этнографических наблюдений.

Ближайшие аналоги (рис. 7: 2) данным типам керамических изделий известны из катакомбных могильников, открытых В. И. Сариниди в Фарукабадском и других оазисах Северного Афганистана (Сариниди 1979: 26, 27). Они происходят из ограбленных могил, не изучавшихся археологами, что затрудняет их использование как надёжного датировочного источника, позволяя лишь наметить линию культурных связей между практически неизвестной нам группой древнего населения северного Афганистана и заманбабинцами.

За пределами Средней Азии более далёкие аналоги данным типам керамических сосудов можно найти в Восточном Иране в могильнике Шахлад, расположенном в Керманском оазисе, в 5 км к востоку от города Шахлад. Могильник датируется в пределах конца IV – середины II тыс. до н. э. (Hakemi 1997: 75). В числе изделий из камня, составлявших значительную часть погребального инвентаря, имеются очень похожие на заманбабинские «курильницы-кормушки» каменные (хлоритовые) ящички квадратной и прямоугольной формы с внутренними отделениями и крышечкой, иногда украшенные сложной резной гравировкой (рис. 7: 3). К сожалению, характер раскопок могильника Шахлад не позволяет уточнить из каких захоронений – мужских или женских они происходят. По хронологической шкале памятника данные изделия относятся к периоду Такаб IV₁ (2700–2450 гг. до н. э.) и Такаб III₂ (2450–2200 гг. до н. э.) (Hakemi 1997: 77–79).

Судя по внешнему виду, данные изделия могли использоваться в качестве одной из принадлежностей женского туалета, либо кухонной утвари (например, сосуды для хранения различных видов специй). В могильнике Шахлад некоторые «шкатулки» представляют собой высокохудожественные произведения, однако большая их часть достаточно просто обработана. Характерно, что среди этого комплекса изделий присутствуют несколько сделанных вручную глиняных сосудов, что свидетельствует о подражании каменным формам. Аналогичные керамические подражания известны также в Пакистане, в комплексах, датированных второй половиной III тыс. до н. э. (Duttani 1988: 120, 165, рис. 17: 1).

¹² Необходимо, однако, учитывать, что поселенческих комплексов катакомбной общности исследовано очень мало.

¹³ Вполне возможно, что данный сосуд также нельзя определять в качестве курильницы, аналогичной по своей функциональному назначению катакомбной курильнице. Найдена она была в единственном числе, маленькое отверстие в её углах для подвешивания говорит об утилитарном (бытовом) использовании этого керамического изделия (например, в качестве светильника).

Вполне вероятно, что каменные «шкатулки», являвшиеся предметами роскоши у племен Восточного Ирана эпохи бронзы, могли быть прототипами глиняных «курильниц-кормушек» для населения Северного Афганистана, откуда они попали к заманбабцам.

Сравнительный анализ керамики могильника Заманбаба с керамикой ямной и катакомбной культур бронзового века показывает весьма слабую связь между ними. Достаточно близкие аналогии с катакомбной керамикой имеют только сосуды 5 и 6 типа, однако данные формы не атрибутивны, их культурная и хронологическая принадлежность слишком широка. Сосуды 7, 8, и 9 типов не находят каких-либо аналогий в керамике катакомбной общности и, видимо, имеют иное происхождение. Сосуды 1, 2, 3 и 4 типа представляют собой наиболее архаичные формы керамики. Наибольшее число близких аналогий они находят в керамике ямной культуры. Сосуды 11 типа, вероятно, местного происхождения и их нельзя связывать функционально с курильницами катакомбной культурной общности, так как их использование в погребальном обряде различно.

Группа IV. Керамика земледельческого типа.

В эту группу включены два вышеупомянутых фрагмента гончарных импортных сосудов, происхождение которых связано с земледельческими культурами юга Средней Азии.

Аналогии первому сосуду (рис. 3: 7) исследователи находили в керамике южных земледельческих культур эпохи Намазга IV. Е. Е. Кузьмина считает, что «этот сосуд был привезен из какого-то пункта Южного Туркменистана, где в конце стадии Намазга IV получила распространение роспись тёмно-коричневой краской по светлому фону» (Кузьмина 1958: 27).

Фрагмент сероглиняного сосуда с поддоном (рис. 3: 8), по заключению Е. Е. Кузьминой, аналогичен сосудам такого типа, представленным как в комплексах времени Намазга IV, так и в комплексах Намазга VI, а также во II и III слоях Тепе-Гиссар и Шах-Тепе (Кузьмина 1958: 27).

Авторы публикации раскопок полностью повторяют выводы Е. Е. Кузьминой (Гулямов и др. 1966: 142). Однако позднее А. А. Аскаров пришел к заключению, что фрагмент нижней половины биконического сосуда с росписью «относится не ко времени Намазга IV, а, скорее всего, происходил из неизвестного нам памятника типа Сараз, где был найден точно такой же биконический сосуд с росписью». Этот сосуд «по рассказу А. Исхакова, найден в культурном слое поселения Сараз, который датируется периодом не ранее юнца II тыс. до н. э.». Второй сосуд характеризуется как «миниатюрный сероглиняный бокал на высокой ножке», близкие аналогии которому имеются в керамике культуры Сапалли (Аскаров 1981: 105).

Принадлежность этих сосудов к древнеземледельческим керамическим традициям бесспорна при разных возможностях их атрибуции. Поиск аналогий сероглиняному сосуду на поддоне вызывает некото-

рые трудности. Точных аналогий данной керамической форме в Средней Азии и смежных с ней регионах нам пока неизвестно.

Второй сосуд — один из наиболее информативных предметов погребального инвентаря могильника Заманбаба. По форме, фактуре и орнаментации он находит близкие аналогии среди достаточно многочисленных остроберберных биконических сосудов зеленоватого-белого фона с красной росписью в памятниках времени Намазга IV на юге Туркменистана (Щетенко 1964: 57, рис. 14: 6, 7; Сарияниди 1976: 89, рис. 2: 14, 16, рис. 3: 4-7, 9, 10, рис. 4: 1, 2, 15; Станкевич 1978: 23, рис. 20: 76А, 77В, 77С). По заключению специалистов, такая керамика более характерна для южных и юго-западных районов обитания земледельческих племен эпохи Намазга IV (Намазга-депе, Анау), нежели для юго-восточных (Улуг-депе, Халуз-депе, Алтын-депе). В южных районах Туркменистана изготовление керамики из теста зеленоватого-белого цвета начинается в начале эпохи Намазга IV и преобладает во второй половине этого периода. В юго-восточном ареале древнеземледельческой культуры более распространена посуда из теста красно-коричневых тонов, а зеленоватое тесто появилось только в середине периода Намазга IV и не столь широко применялось, как в южных районах (Сарияниди 1976: 89, 90; Станкевич 1978: 23). К сожалению, недостаточная степень изученности керамики эпохи Намазга IV из памятников подгорной полосы Копетдага (Намазга-депе, Анау) и отсутствие детальных публикаций результатов раскопок затрудняют определение стратиграфического места данного типа в слоях времени Намазга IV. Есть наблюдения, что на древнеземледельческом поселении Алтын-депе данный тип керамических посуды встречается редко и стратиграфически тяготеет к верхним слоям эпохи Намазга IV (Кирчо А-1980: 51)¹⁴.

Общие выводы.

Проведенный анализ позволяет выявить в материалах могильника Заманбаба набор признаков, которые могут служить основой для корректировки существующих представлений о происхождении, культурных связях и датировке данного археологического комплекса.

В погребальном обряде могильника Заманбаба в значительной степени преобладают традиции ямной культурной общности эпохи ранней бронзы Евразии. Такие элементы, как восточная и северо-восточная ориентировка умерших, подсыпка из охры и мела, яйцевидные и круглодонные формы керамики, расположение инвентаря у головы умершего имеют степное происхождение и генетически связывают этот памятник с ямной культурной традицией Юго-Восточной Европы, в частности с культурами ямного типа Волго-Уральского междуречья. Присутствие в комплексах заманбабинской культуры каких-либо элементов степной катакомбной культурной традиции не находит подтверждений в материалах могильника Заманбаба. По сути дела, единственный признак —

¹⁴ Выражаю искреннюю признательность к. и. н. Л. Е. Кирчо за консультацию по данному вопросу.

сам факт совершения некоторых захоронений в могилах катакомбной конструкции. Однако отсутствие других явных признаков в погребальной обрядности не позволяет однозначно рассматривать катакомбные захоронения могильника Заманбаба в одном русле с погребальными традициями катакомбной культурной общности степной зоны. В связи с этим, заключение о том, что в сложении культуры Заманбаба приняли участия племена катакомбной культуры требует дополнительных доказательств, хотя нельзя и полностью исключить этот факт, учитывая очень слабую изученность вопроса о происхождении катакомбного обряда погребения в Средней Азии. Данный вопрос неразрывно связан с целым рядом наиболее актуальных и наименее решенных проблем археологии бронзового века Евразии – проблемой генетических истоков катакомбного обряда погребения и формирования в степной зоне Евразии блока культур с катакомбным обрядом погребения, их культурного и хронологического соотношения с населением ямной культурной общности.

Существенные различия в погребальном обряде кельтеминарцев и заманбабинцев показывают, что, если и были какие-то включения кельтеминарского населения в культуру Заманбаба, то этот процесс никак не отразился в погребальном обряде последних.

Формирование культуры Заманбаба произошло на синкретической основе двух культурных традиций: пришедшей – степной, носившей ямный облик, и местной среднеазиатской. Конкретное отождествление среднеазиатской традиции с какой-либо из земледельческих культур крайне затруднительно из-за недостатка фактического материала. Связь заманбабинцев с земледельческими культурами очевидна, так как в погребениях могильника Заманбаба присутствуют вещи, характерные для земледельческих культур: каменные бусы, подвески, медные зеркала и лопаточки, терракотовая статуэтка, а также два фрагмента от гончарных сосудов, один из которых имеет полнейшие аналоги в керамике древнеземледельческих памятников южной Туркмении эпохи Намазга IV. Большое число так называемых «жормушек» в керамическом комплексе могильника Заманбаба позволяет провести линию культурных связей между носителями культуры Заманбаба и одной из групп древнего населения Северного Афганистана, памятники которой археологи еще не изучены. В Средней Азии и степной зоне Евразии подобные типы керамических изделий неизвестны. Отождествление их с курильницами катакомбной культуры по ряду признаков едва ли допустимо.

Хронология.

Основанием для датировки культуры Заманбаба могут служить как вещи степного типа, так и отдельные предметы земледельческого облика. Состав инвентаря, типы керамики, ориентировка погребенных и другие особенности погребального обряда могильника Заманбаба генетически связывают данный комплекс с ямной культурной традицией эпохи ранней бронзы степной зоны Евразии. Наличие в могильнике погребений катакомбного типа позволяет хронологически отнести этот памятник к позднейшему-

раннекатакомбному времени. Основным источником для синхронизации комплексов могильника Заманбаба с земледельческой шкалой хронологии является находка фрагмента гончарного сосуда, относящегося к эпохе позднего Намазга IV и найденного вместе с яйцевидным сосудом в одном из погребений.

Хронологическая шкала ямной и катакомбной культур эпохи бронзы в настоящее время разработана еще недостаточно полно, что обусловлено огромной территорией расселения степных племен и многочисленностью локальных культурных вариантов.

Общий период финала ямной и начала сменяющей её катакомбной культуры начитывается примерно 500 лет. Наиболее спорным является вопрос о времени исчезновения ямной культуры и появления культуры с катакомбным обрядом погребения. В последнее время утвердилась точка зрения, что данный процесс носил диахронный характер на различных территориях, обусловленный региональной спецификой развития ямных и катакомбных культурных традиций.

По традиционной хронологии и шкале некалиброванных дат позднейший – раннекатакомбный период на широкой территории от Калмыкии до Северо-Западного Причерноморья датируется концом III – началом II тыс. до н. э. (Фисенко 1970: 65; Погорелов 1989: 123; Берестев 2001: 42–48) или в пределах третьей четверти III тыс. до н. э. (Шишлина 1992: 73, 75; Субботин 2000: 364, 375). А. В. Княшко на основе анализа погребального обряда датировал появление смешанных ямно-катакомбных комплексов на территории Нижнего Подонья финалом третьей четверти III тыс. до н. э. – началом последней четверти III тыс. до н. э. (Княшко 1999: 176).

Исходя из результатов радиоуглеродных анализов, полученных за последнее десятилетие, одни исследователи относят конец ямного и начало катакомбного времени к середине III тыс. до н. э. (Телегин 1993: 72; Кузнецов 1996: 56, 58), другие определяют этот хронологический рубеж в рамках первой половины III тыс. до н. э. (Шишлина, Александровский, Плихт, Чичагова 1999: 15, 16). Группа исследователей во главе с Е. Н. Черных датирует время существования ямной общности в пределах 2950–2200 гг. до н. э. (Черных, Орловская 2004а; 93), а катакомбной 2600–1950 гг. до н. э. (Черных, Орловская 2004б: 18), предлагая отнести переход от раннего бронзового века к среднему к XXVII–XXVI вв. до н. э. (Черных, Авилова, Орловская 2000: 21). Близкой точки зрения придерживается и В. А. Трифонов, пришедший к выводу, что период сосуществования позднейших и раннекатакомбных культурных традиций в степной зоне приходится на 2700–2500 гг. до н. э. (Трифонов 2001: 79). Таким образом, исходя из калиброванных радиоуглеродных датировок, хронологические рамки существования ямной культурной общности укладываются в пределах первой половины III тыс. до н. э., а катакомбной культуры – второй половины III тыс. до н. э. Однако указанные датировки справедливы только для одной из наиболее ранних ямно-катакомбных контактных зон (Нижнее и Среднее Подонье, Прикубанье). На периферийных по отношению к этому региону террито-

рия Нижнего и Среднего Поволжья, а также Южного Приуралья развитие племен ямной культуры продолжалось и позднее. Например, в ряде районов степной зоны (Северо-Западный Прикаспий) ямные культурные традиции по данным калиброванных радиоуглеродных датировок сохраняются до последней четверти III тыс. до н. э. (Шишлина, Александровский, Чигагова, Плехт 2001: 121). Возможный период существования ямной и катакомбной общностей мог продолжаться от 550 лет в восточных ареалах до 200 лет в западных (Черных, Орловская 2004б: 22).

Сумма всех признаков могильника Заманбаба позволяет синхронизировать данный археологический комплекс, с одной стороны, с позднейшим периодом культур степной бронзы, а с другой, как минимум, со второй половиной периода Намазга IV. Хронологические рамки комплексов Намазга IV по традиционной шкале относятся к 2900–2300 гг. до н. э. (Кирчо 1980: 12; Массон 1981: табл. V), а радиоуглеродные калиброванные даты определяют рамки их существования в пределах первой половины – середины III тыс. до н. э. (Кирчо, Попов 1999: 350).

В данном случае традиционные и радиоуглеродные датировки в целом не противоречат друг другу: позднейшее время в степной зоне и вторая половина эпохи Намазга IV в Средней Азии по традиционной шкале укладывается примерно в третью четверть III тыс. до н. э., а по калиброванным радиоуглеродным датам – в конец первой половины III тыс. до н. э. Современные хронологические данные позволяют датировать могильник Заманбаба серединой III тыс. до н. э.

Исследование культуры Заманбаба включает в себя широкий круг вопросов: происхождение катакомбного обряда погребения в Средней Азии, проникновение на ее территорию племен степной бронзы, культурные контакты местного земледельческого и степного населения в эпоху бронзы и пр. Эти вопросы требуют детального исследования, а окончательное их решение возможно только при глубоком и всестороннем анализе накопленного обширного степного ямно-катакомбного и среднеазийского земледельческого археологического материала с привлечением всех возможных методов его изучения.

- Алехин 1980 – Алехин В. А. К проблеме генетической связи южнотуркменских комплексов эпохи бронзы (по материалу захоронений) // КСИА. № 161. 1980. С. 24–31.
- Алехин 1986 – Алехин В. А. Проблема происхождения археологических культур неолита – бронзы Средней Азии (по данным погребальных обрядов) // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. № 11. М., 1986. С. 96–103.
- Алехин 1989 – Алехин В. А. Культурные контакты древних племен Средней Азии (неолит – эпоха бронзы) // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С. 150–157.
- Аскаров 1962 – Аскаров А. А. Низовья Зеравшана в эпоху бронзы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1962.
- Аскаров 1977 – Аскаров А. А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
- Аскаров 1981 Аскаров А. А. К пердаторике культуры Заманбаба // Культурная и искусство Древнего Хорезма. М., 1981. С. 99–110.
- Берестев 2011 – Берестев С. И. Восточноукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н. э.). Харьков, 2001.
- Братченко 1976 – Братченко С. Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976.
- Виноградов 1968 – Виноградов А. В. Неолитические памятники Хорезма // Материалы Хорезмской экспедиции. № 8. М., 1968.
- Виноградов 1979 – Виноградов А. В. О распространении наконечников стрел кельтеминарского типа // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 3–10.
- Виноградов 1981 – Виноградов А. В. Древние охотники и рыболовы среднеазийского междуречья // Труды ХАЭЭ. № XIII. М., 1981.
- Виноградов и др. 1986 – Виноградов А. В., Итина М. А., Яблоцкий Л. Т. Древнейшее население низовой Амударьи // Труды ХАЭЭ. № XV. М., 1986.
- Гулямов и др. 1966 – Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскаров А. Первобитная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент, 1966.
- Егоров 1970 – Егоров В. Г. Классификация курьелинских катакомбной культуры // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970. С. 156–164.
- Иерусалимская 1957 – Иерусалимская А. А. Курьелинские бронзового века из предкавказских степей в собрании Эрмитажа // СГЭ. № XII. Л., 1957. С. 45–47.
- Кирчо 1980 – Кирчо Л. Б. Культура ранней бронзы Южной Туркмении (Вопросы происхождения по материалам керамических комплексов). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1980.
- Кирчо, Попов 1999 – Кирчо Л. Б., Попов С. Г. К вопросу радиоуглеродной хронологии древнейших цивилизаций Средней Азии // Stratum Plus. № 2. СПб. – Кишинев – Одесса, 1999. С. 350–361.
- Кияшко 1999 – Кияшко А. В. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград, 1999.
- Кияшко 2002 – Кияшко А. В. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград, 2002.
- Клейн 1962 – Клейн Л. С. К определению места курьелинцы в катакомбной культуре // Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону, 1962. С. 128–132.
- Клейн 1968 – Клейн Л. С. Прототипы катакомбных курьелинцев и проблема происхождения катакомбной культуры // АСГЭ. № 8. Л.-М., 1968. С. 5–17.
- Комплекс археологических памятников... 1979 – Комплекс археологических памятников у горы Тейсей на Енисее. Под редакцией М. П. Грязнова. Новосибирск, 1979.
- Кузнецов 1996 – Кузнецов П. Ф. Новые радиоуглеродные даты для хронологии культур неолита-бронзового века юга лесостепного Поволжья // Радиоуглерод и археология. № 1. СПб., 1996. С. 56–59.
- Кузьмина 1958 – Кузьмина Е. Е. Могильник Заманбаба // СЭ. № 2. М., 1958. С. 24–33.
- Кузьмина 1968 – Кузьмина Е. Е. Некоторые спорные вопросы истории первобытной культуры в низовьях Зеравшана // СА. № 2. М., 1968. С. 302–309.
- Кузьмина 1999 – Кузьмина Е. Е. Предистория Великого Шелкового пути: Контакты населения евразийских степей и Сивильяна в эпоху бронзы // ВДИ. № 1. М., 1999. С. 163–177.
- Латынин 1958 – Латынин Б. А. О южных границах ойкумены степной культуры эпохи бронзы // СА. № 3. М., 1958. С. 46–53.
- Мандельштам 1968 – Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // МИА. № 145. М.-Л., 1968.
- Мандельштам 1972 – Мандельштам А. М. История скотоводческих племен и ранних кочевников на юге Средней Азии. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.-Л., 1972.
- Массон 1959 – Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргянны // МИА. № 73. М.-Л., 1959.
- Массон 1966 – Массон В. М. Культура Заманбаба // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.-Л., 1966. С. 208–212.
- Массон 1981 – Массон В. М. Алтын-Дене // Труды ЮТАКЭ. № XVIII. Л., 1981.

- Мельник 1991 – Мельник В. И. Особые виды погребений катакомбной общины. М., 1991.
- Мерперт 1974 – Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. М., 1974.
- Моргунова 2002 – Моргунова Н. Я. Проблемы изучения ямной культуры Южного Приуралья // Проблемы археологии Евразии. М., 2002. С. 104–116.
- Моргунова, Крацов 1991 – Моргунова Н. Я., Крацов А. Ю. Древняя культура Приуралья (по материалам Оренбургской области) // СА. № 2. М., 1991. С. 35–50.
- Моргунова, Крацов 1994 – Моргунова Н. Я., Крацов А. Ю. Памятники древнейшей культуры на Илексе. Екатеринбург, 1994.
- Погорелов 1989 – Погорелов В. И. Ямно-катакомбные погребения Среднего Дона // СА. № 2. М., 1989. С. 108–126.
- Попова 1957 – Попова Т. Б. К вопросу о курганных северокавказского типа // СА. № 1. М., 1957. С. 161–177.
- Пьянкова 1989 – Пьянкова Л. Т. Древние скотоводы Южного Таджикистана (по материалам могильника Титрова Балка). Душанбе, 1989.
- Сарнианиди 1976 – Сарнианиди В. И. Южный Туркменистан в эпоху бронзы // Первобытлый Туркменистан, Ашхабад, 1976. С. 82–111.
- Сарнианиди 1979 – Сарнианиди В. И. К вопросу о культуре Заманбаба // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 23–28.
- Станкевич 1978 – Станкевич И. Л. Керамика южной Туркмении и Ирана в бронзовом веке // Древность и средневековье народов Средней Азии. М., 1978. С. 17–31.
- Степанцева 1999 – Степанцева В. Я. Относительная хронология погребений катакомбной культуры в междуречье Маньча и Сала // АВ. № 6. СПб., 1999. С. 101–113.
- Субботин 2000 – Субботин Л. В. Северо-Западное Причерноморье в эпоху ранней и средней бронзы // Stratum Plus. № 2. СПб. – Кишинёв – Одесса – Бухарест, 2000. С. 350–387.
- Телегин 1993 – Телегин Д. Я. Об абсолютном возрасте катакомбной культуры по радиоуглеродным определениям // Новые открытия и методические основы археологической хронологии. СПб., 1993. С. 68–73.
- Трифонов 2001 – Трифонов В. А. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи неолита – средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001. С. 71–82.
- Турецкий 1988 – Турецкий М. А. Керамика погребений ямной культуры Волго-Уральского междуречья // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев, 1988. С. 78–91.
- Турецкий 1992 – Турецкий М. А. Ямная культура Волго-Уральского региона. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.
- Фисенко 1970 – Фисенко В. А. Погребения ямно-катакомбной типа Калмыкии и их место среди памятников бронзовой эпохи северо-западного Прикаспия // СА. № 1. М., 1970. С. 58–66.
- Хлопкин 1983 – Хлопкин И. Н. Юго-западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. Л., 1983.
- Черных, Аншлова, Орловская 2000 – Черных Е. Н., Аншлова Л. И., Орловская Л. Б. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М., 2000.
- Черных, Орловская. 2004а – Черных Е. Н., Орловская Л. Б. Радиоуглеродная хронология древнейшей общины и истоки курганных культур // РА. № 1. М., 2004. С. 84–99.
- Черных, Орловская 2004б – Черных Е. Н., Орловская Л. Б. Радиоуглеродная хронология катакомбной культурно-исторической общины (средней бронзовый век) // РА. № 2. М., 2004. С. 15–29.
- Шишлина 1992 – Шишлина Н. И. Хронология и периодизация раннего этапа средней бронзы Калмыкии // Древность Евразии от древности до средневековья. СПб., 1992. С. 72–75.
- Шишлина, Александровский, Плихт, ван дер, Чичагова 1999 – Шишлина Н. И., Александровский А. Л., Плихт Й. ван дер, Чичагова О. А. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы // Научные наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М., 1999. С. 14–16.
- Шишлина, Александровский, Чичагова, Плихт, ван дер 2001 – Шишлина Н. И., Александровский А. Л., Чичагова О. А., Плихт Й. ван дер. Хронологическая позиция ямной культуры Северо-Западного Прикаспия // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001. С. 117–123.
- Щетенок 1964 – Щетенок А. Я. Расписная керамика эпохи бронзы из Намалга-дере // КСИА. № 98. М., 1964. С. 51–59.
- Durrani 1988 – Durrani A. Excavation in the Gomal Valley // Ancient Pakistan, № VI. Peshawar, 1988.
- Hakemi 1997 – Hakemi A. Shahdad. Archaeological Excavations of a Bronze Age Center in Iran. Rome // *IsMEO. Reports and memoirs*. Vol. XXVII. Rome, 1997.
- Kuzmina 1998 – Kuzmina E. Cultural Connections of the Tarim Basin People and the Shepherds of the Asian Steppes in the Bronze Age // *The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia*. № 1. Chicago, 1998. P. 63–93.

Архивные материалы

Кирчо А-1980 – Кирчо Л. Б. Культура ранней бронзы Южной Туркмении (Вопросы происхождения по материалам

керамических комплексов) // Рукопись дис. ... канд. ист. наук. НА ИИМК РАН, РА. Ф. 35, оп. 2, д. 271.

STEPPE ELEMENTS IN THE FUNERARY RITES AT THE CEMETERY OF ZAMANBABA (the Problem of the Origins and Chronology of the Bronze Age Zamanbaba Culture in Central Asia)

YU. G. KUTIMOV

The archaeological culture of the Bronze Age in Central Asia, known as the «Zamanbaba culture», is represented by three archaeological complexes: one cemetery and two settlement-sites situated in the lower reaches of the Zaravshan River, in the Bukhara province of Uzbekistan.

These sites were investigated in 1950–1964 by archaeologists from the Institute of History and Archaeology, Academy of Sciences of Uzbekistan (Гулямов и др. 1966).

The cemetery of Zamanbaba is the key site for studies of the Zamanbaba culture. Of the settlement-sites only

one may be considered as a settlement proper, the other having been just a temporary camp with its cultural layer now eroded by winds. The total informative capability of the latter two sites is extremely low; therefore studies of the Zamanbaba culture involve predominantly materials yielded by excavations of the cemetery.

Practically all of the researchers who studied archaeological complexes of the Zamanbaba culture have noted the unique combination of agriculturalist and steppe-type features in the funerary rites of the cemetery of Zamanbaba. Considerable part of accompanying goods, including beads of various kinds of stone, stone pendants, baton tops, round bronze mirrors without handles, small shovels, a terracotta figurine, and two fragments of wheel-made vessels, have parallels in agricultural complexes of southern Turkmenia of the Namazga IV – Namazga VI periods and at synchronous sites in the adjoining territories (Iran and Afghanistan). On the other hand, burials of the cemetery of Zamanbaba show a number of features which suggest their ties with funerary traditions of the Bronze Age tribes of the steppe zone of Eurasia; the presence of red dye, chalk and charcoal in the graves, egg-shaped and round-bottomed pottery, etc. One of the most remarkable peculiarities of the funerary rites at the cemetery of Zamanbaba is the tradition to bury dead in graves of a catacomb type absolutely uncharacteristic of the local Central Asian population during the early and middle Bronze Age.

At present, there are quite a number of hypotheses on the origins of the cemetery of Zamanbaba, each differing in its explanation of the problems of the cultural and ethnic attribution of the site. By now, several differing dates have been proposed for the Zamanbaba culture in general: the second half of the 3rd – beginning of the 2nd mil. BC (Мацсон 1959: 113); the end of the 3rd – beginning of the 2nd mil. BC (Латынин 1958: 52; Кузьмина 1958: 33; Кузьмина 1968: 306; Алёшкин 1986: 99; Виноградов и др. 1986: 72); the end of the 3rd – first half of the 2nd mil. BC (Массон 1966: 208; Мандельштам 1972: 8); the first half of the 2nd mil. BC (Аскаров 1962: 10; Гулямов и др. 1966: 166); the second quarter of the 2nd mil. BC (Аскаров 1981: 109); the middle of the 2nd mil. BC (Хлопин 1983: 70); the last quarter of the 2nd mil. BC (Пьянкова 1989: 61); the turn of the 2nd and 1st mil. BC (Сарианиди 1979: 24).

Along with these hypotheses, six views on the genetic origins of the Zamanbaba culture have been proposed regarding its bearers as: descendants of the local Neolithic Keltiminarans (Массон 1966: 208); natives of the early agricultural Sapalli culture in southern Uzbekistan (Аскаров 1981: 109); the early agriculturalist tribes which came to the Lower Zaravshan River from the territory of northern Afghanistan (Сарианиди 1979: 27); a population genetically linked with the catacomb cultural unity of the steppe zone of Eurasia (Алёшкин 1986: 98); local population making part of the circle of cultures of the steppe type which had been strongly influenced by the southern agrarian cultures (Кузьмина 1958: 33; Аскаров 1962: 10, 11; Гулямов и др. 1966: 170; Виноградов 1968: 151); steppe tribes which combined in the appearance of their material cul-

ture simultaneously some features of three steppe cultures at once – the Yamnaya (Pit culture), Catacomb and Afanasyevo (Латынин 1958: 52).

The reason of serious contradictions in the problem of the origins and chronology of the Zamanbaba culture is the poor expressiveness of the latter's material complexes and the almost complete absence of the type features leading to multivariate and conflicting treatments of the same archaeological evidence. The objects found among the funerary offerings at the cemetery are characterized either by very broad chronological frames of their use (e.g. stone beads, round copper mirrors without handles and small shovels are dated in general to the period from the 3rd to the 1st millennia BC) or by such extraordinary peculiarities that make it difficult to find any close parallels.

The present paper aims to define the possibility of genetic ties of the population which left the cemetery of Zamanbaba with the Neolithic Keltiminar culture, as well as with Bronze Age cultures of the steppe zone of Eurasia, mainly those in the region between the Volga and Ural rivers. Problems of the cultural and chronological attribution of the site are discussed here on the basis of a comparative analysis of the funerary rites at the Zamanbaba cemetery.

The analysis conducted allows us to distinguish a certain set of features in the funerary rites of the cemetery of Zamanbaba which give a basis for correction of the present-day notions about the origins, cultural ties and dating of the archaeological complex under consideration.

Dominating in the burial rites of the Zamanbaba cemetery were the traditions of the early Bronze Age Yamnaya cultural unity from the steppe zone of Eurasia. Such elements of the ritual as the eastern and north-eastern orientation of the buried, staining with ochre and chalk, egg-shaped and round-bottomed forms of pottery, and the offerings put near the head of the buried are of the steppe provenance, linking this site genetically with the Yamnaya cultural traditions of South-Eastern Europe, in particular with Yamnaya type cultures from the region between the Volga and Ural rivers.

A comparison of the pottery from the cemetery of Zamanbaba with that of steppe cultures (Yamnaya and Catacomb) of the Bronze Age leads us to the conclusion that the ceramic complex of Zamanbaba has very weak (practically zero-level) ties with pottery of the developed stages of the catacomb cultures of the steppe zones of Eurasia. The most numerous parallels to certain types of Zamanbaba vessels are found in the pottery of the Yamnaya culture.

No elements of the steppe catacomb tradition still have been found among the materials from the Zamanbaba cemetery. Actually, the only indication of this tradition is the fact of occasional interment of the dead in graves of a catacomb construction.

Neither any ties of the Zamanbaba population with bearers of the Keltiminar culture have been established for certain. Differences between the two funerary rites are considerable. If even there were any inclusions of some Keltiminar population into the Zamanbaba culture, the process had no reflection in the funerary rites of the latter.

The formation of the Zamanbaba culture occurred on the basis of the syncretization of two cultural traditions – the newly arrived steppe culture of the Yamnaya appearance and the local Central Asian one. A reliable identification of the latter with any of the local agricultural cultures is very difficult due to the lack of any factual evidence. Ties of Zamanbaba population with agricultural cultures are obvious since burials of the Zamanbaba cemetery contain objects peculiar to agriculturalists (stone beads, pendants, copper mirrors and shovels, a terracotta figurine). These objects include also two fragments of wheel-made vessels, one of which has quite exact parallels among the pottery of early agriculturalist sites in southern Turkmenia of the Namazga IV period. Numerous finds of so-called ceramic «mangers» among the complex from the cemetery of Zamanbaba afford us to trace a line of cultural connections between bearers of the Zamanbaba culture and one

of the groups of ancient population of northern Afghanistan, no sites of which have as yet been studied archaeologically.

The aggregate of characteristics of the cemetery of Zamanbaba allows us to regard this archaeological site as synchronous on the one hand with the late Yamnaya period of the development of steppe cultures of the Bronze Age, and on the other hand, with the second half of the Namazga IV period. A traditional and a radiocarbon dating do not contradict each other in general: the late Yamnaya period in the steppe zone and the second half of the Namazga IV period in Central Asia according to the traditional chronological scale occupy approximately the third quarter of the 3rd millennium BC, whereas the scale of calibrated radiocarbon dates gives the end of the first half of the 3rd millennium BC. Taking into account the modern chronological data, the cemetery of Zamanbaba may be dated to the mid-3rd millennium BC.